

Глава первая

— Вам надоели безобразные складки на лице? Вы устали от этих ужасных морщин? Вы хотите выглядеть на двадцать лет моложе?

— Да!!!

— Тогда у меня есть для вас революционное решение. Только наш «Антивозрастин» решит вашу проблему.

— Я не верю!

— Продемонстрируем это на нашей пациентке. Клара, 68 лет, не замужем, несколько десятилетий страдает от морщин. Думаете, ей нельзя помочь?

— Совершенно невозможно!

— Вы ошибаетесь! С помощью «Антивозрастина» наша Клара изменится на глазах. «Антивозрастин» сделан на основе крысиного яда и отлично справляется с возрастными изменениями кожи. Нанесем совсем немного «Антивозрастина» на лицо Клары и будем ждать результатов. Всего лишь через 56 минут вы увидите результат.

— Это невероятно! Клара молодеет на глазах! Где гусиные лапки? Где сморщенное печеное яблоко? Все исчезло! Клара теперь выйдет замуж!

— Да-да! Наш «Антивозрастин» творит чудеса. Но это еще не все! закажите «Антивозрастин» уже сейчас — и вы получите еще два средства в подарок:

«Антиобжирин» и «Супермозгиотшибин». И все абсолютно экологически чисто! Спешите оформить покупку, иначе будет поздно!..

«Да, в моем положении только мозгиотшибин может помочь!» — с тоской подумала я, выключая телевизор.

Мне срочно нужна работа! Не то чтобы эта мысль стала обескураживающей новостью, поиском работы я занимаюсь уже давно. Месяца два точно. Но в то утро проснулась, ясно понимая: если сегодня ничего не найду, то завтра помру голодной смертью.

В мои двадцать шесть пора бы уже знать, что работа нужна не для удовольствия или развития творческого потенциала, а для того, чтобы просто жить. Правда, до сих пор как-то удавалось находить подработки, скромно удовлетворяющие мои творческие амбиции и явно завышенное самомнение. Я была наборщицей титров, кассиршей, продавщицей готовых салатов... Но каждый раз моя трудовая деятельность заканчивалась сокрушительным и разгромным провалом — то я путала салаты, и вместо оливье с мясом запихивала в банку какую-то гадостную массу из майонеза и селедки; то принимала чеки, которые потом оказывались фальшивыми. А однажды стала объектом сексуальных вожделений рыхлого, потного хозяина киоска, в котором подрабатывала по ночам, продавая сигареты, выпивку и легкие наркотики. Короче, увольняли меня постоянно, и раз за разом я обнаруживала себя сидящей в длинной и унылой очереди в бюро по трудоустройству.

Сегодня, проснувшись с мыслью о том, что мне срочно нужна работа, я опять отправилась в знакомое бюро. На дешевых неудобных стульях с сиденьями из искусственной кожи и железными спинками, сидели такие же бедолаги, как и я. Одеты они были бедно, вели

себя нагло, а лица их не выражали ничего, кроме тупой обреченности.

Когда я вошла в кабинет, меня встретила угрюмая крашеная блондинка невероятных объемов. Даже взглядом не одарила! Она щелкала длинными розовыми ногтями по клавиатуре, не поднимая глаз. Я долго стояла, съжившись, на пороге ее крошечной комнатки, но наконец вошла без приглашения и уселась на стул. На самый краешек, естественно. Блондинка подняла на меня суровый взгляд, в котором читались равнодушие и усталость.

— Мне нужна работа, — сказала я.

— Заполняйте анкету, — вяло ответила она.

Я села и в очередной раз уныло принялась писать. Хвастаться особенно нечем — образования, кроме школьного, у меня не было, особых талантов тоже. Ни яркой внешности, ни физической выносливости, ни сильного характера, ни, на худой конец, мощных покровителей... В общем — ничего такого, благодаря чему я могла бы рассчитывать на достойную работу и приличную зарплату.

— Есть работа на телефоне.

— Чего?

— Ну, работать телефонной девочкой.

— Это звонить людям и предлагать всякую фигню?

— Ну, типа того.

— Это все, что вы можете мне предложить?

— Пока да.

— Давайте, — вздохнула я.

Выглядело это примерно так:

— Здравствуйте! — бодро набрасывалась я на жертву. — Вы делаете страховые отчисления?

— Ну, делаю.

— Тогда у меня для вас прекрасная новость, не вешайте трубочку!

Если мне везло и трубочку не вешали сразу, я продолжала:

— У меня для вас прекрасная новость! Согласно новой поправке к закону о страховании вам полагается страховка по потере трудоспособности!

— Отличная новость.

Тут главное было успеть произнести свой текст максимально быстро, пока клиент готов слушать:

— Ага. В случае полной потери трудоспособности, то есть стопроцентной инвалидности, вам полагается ежемесячная выплата в размере четырех тысяч шекелей. И время ожидания первой выплаты — всего четырнадцать дней, а не три месяца, как раньше!

— Звучит оптимистично.

— Ага. Но и это еще не все! В случае производственной травмы вам полагается сделать анализы в течение семидесяти двух часов, а не трех суток, как раньше.

— Это, видимо, пункт для идиотов.

Теперь, когда разговор завязался, важно было держать клиента на крючке как можно дольше.

— Ага. Но и это еще не все! У вас кто-нибудь раком болеет?

— Вроде нет.

— А вы?

— Тоже вроде.

— Ну, ничего. — Я подпустила в голос капельку сочувствия. — Если вы заболите раком, то вам полагается — и это только в нашей страховой компании, учтите, — вам полагается бесплатный волонтер, который будет сопровождать вас на всех процедурах и даже заполнять за вас документы!

— Очень заманчивое предложение.

— Ага. Но и это еще далеко не все! В случае смерти все расходы по транспортировке трупа мы берем на себя!

— Супер! И сколько стоит это удовольствие?

Ага! Вот момент моего триумфа! Главное, чтобы не соскочил.

— Всего семьдесят девять шекелей в месяц! Только сейчас и только два дня! По самой привлекательной цене! — ору я совершенно ошалевшим от счастья голосом. Мало кто дослушивал мой текст до этого момента. — Ну, что?

— Ничего.

— Берем?

— Ни в коем случае.

— Почему? — Тут я понимаю, что меня ожидает очередной облом.

— Меня один пункт смущает.

— Какой же?

— Вот про транспортировку трупа.

— И что же вас смущает?

— Вы чей труп будете транспортировать?

Такого поворота сюжета я не ожидала.

— Ваш, наверное, — неуверенно говорю я.

— Вот это мне и не нравится.

— А что вас не устраивает?

— Да за такие деньги я еще поживу!

Через четыре дня я опять сидела напротив блондинки с длинными ногтями. Она, как и в прошлый раз, встретила меня невидящим взглядом.

— Заполняйте анкету.

— Уже заполняла три раза.

— И что?

— И ничего. Не могу я на телефоне работать.

— Почему?

— Стыдно.

Блондинка хмыкнула и впервые взглянула на меня с интересом. В ее глазах я прочитала что-то, напоминающее удивление.

— Пока ничего нет, — сказала она после долгого раздумья. — Может, ты еще что-нибудь умеешь?

Я погрузилась в размышления.

— Вспомнила! — вдруг меня осенило. — Я в армии фельдшером служила. Может, это как-то поможет?

— Вряд ли, — охладила мой пыл блондинка, — но надежда есть.

Я вышла из бюро в самом угрюмом настроении. Денег не было, работы тоже, да и перспектив не просматривалось. Я села на лавочку в парке и развернула бутерброд с колбасой, который взяла из дома. Есть не хотелось. Хотелось плакать.

Скверик, где я оплакивала свою незадачливую жизнь, зажатый огромными многоэтажными офисными зданиями, находился в центре города. День выдался нежаркий, что редко бывает. Дул несильный, но ощутимый ветерок. Листья на деревьях колыхались ему в такт, голуби деловито хлопали крыльями, курлыкали, догоняли и клевали друг друга. Желторотые скворцы, скрытые между акаций и баухиний¹, щебетали на разные голоса, заливались трелями и свистом, изредка высовывали свои черные головки и исполняли бесплатные сольные концерты для всех желающих. Солнце светило деликатно, как будто чуть застенчиво выглядывая из-за широких ветвей сикоморы,

¹ Баухиния — цветущее дерево семейства цезальпиниевых.

просачивалось сквозь яркие желтые мимозы, играло на огненных цветах красной акации.

Прилетела колибри с синей головкой. Она воткнула длинный клюв в цветок бугенвиллии и зависла на несколько долгих секунд. Я смотрела на ее крохотное тельце, блестящую головку, трепещущие крылышки с завистью и тоской — ведь это красочное и разнообразное буйство жизни не имело ко мне совершенно никакого отношения. Я чувствовала себя подавленной и несчастной. Моя жизнь была абсолютно бессмысленна и пуста.

У заливающегося в песне дрозда, у ползущей по земле улитки, у цветущего куста жимолости было какое-то тайное предназначение. У меня же не было никакого.

Настало время обеда. Офисные работники начали потихоньку, тонкой струйкой, вытекать из огромных сверкающих зданий. Высокие женщины на тонких каблуках, с развевающимися по ветру волосами, придерживая дорогие сумки, засеменили в соседние ресторанчики.

Я взглянула на свой бутерброд с дешевой колбасой и проводила их завистливым взглядом. Они принадлежали этому миру — блестящему, богатому, успешному... Они то и дело отвечали на звонки, в то время как мой телефон молчал по несколько дней. Они решали сложные и глобальные вопросы, в то время как я думала, как бы мне убить оставшееся время с минимальными потерями. Они ворочали огромными суммами, управляли вкладами, отслеживали тенденции на рынках, в то время как я с тоской размышляла, где бы мне разжиться парой сотен, чтобы хоть как-то дотянуть до конца месяца. Они были частью этого большого механизма, а я не подходила даже на роль мельчайшего винтика. Они продавали за большие деньги свои знания, умения и потенциал роста. Мне же

продавать было нечего, кроме тела сомнительной привлекательности.

Вдруг зазвонил телефон. У меня? Я вздрогнула от неожиданности. Кому могло прийти в голову искать меня?

— Работа есть, — я сразу узнала хриплый голос блондинки из бюро по трудоустройству и впервые обрадовалась, услышав ее. — Но тяжелая. Не потянешь.

— Потяну! — пообещала я. Неужели? Что она предложит на этот раз? Модель? Нет, для модели я тяжеловата. Телеведущая? Нет, кажется, картавлю.

— Сиделка, — сказала блондинка. Я тут же представила ее длинные ногти, которые равнодушно барабанят по клавишам, пока она беседует со мной по телефону. — Женщина, старая. Плохо слышит. Плохо ходит. Ищет сиделку. Три уже отказались. Пойдешь?

— Пойду, — ответила я и тоскливо вздохнула.

Глава вторая

На следующий день я отправилась на работу. Дверь мне открыл высокий мужчина средних лет, лысый, худощавый, с несколько брезгливым выражением лица.

— Вы из агентства? — спросил он, окинув меня оценивающим взглядом.

— Да, — ответила я на иврите.

— По-русски говорите?

— Да, — ответила я.

— Это хорошо.

Мужчина буравил меня взглядом маленьких, умных глаз.

— Я должен вас предупредить, — сказал он хриплым, грубым голосом, — мама — человек тяжелый. С ней сложно ужиться. А вам придется видеться каждый день, по много часов... Вы понимаете?

— Понимаю.

Он продолжал изучать меня. Невысокая, коренастая, я никогда не блистала красотой, и если раньше спасало очарование юности, то теперь и оно стало меня покидать.

— Не думаю, что вы понимаете, — сказал мужчина.

Я съезжилась под его тяжелым, пытливым, недовольным взглядом.

— Мне нужна работа.

Он промолчал.

— Присядь здесь, — указал он на стул возле круглого столика, покрытого клеенкой.

Я осмотрелась. Это была маленькая квартирка, опрятная, но несколько запущенная. Стены и потолки давно не белены, а в углах заметны следы плесени. Окна чистые, но рамы в некоторых местах расколоты. На полу кое-где виднелись трещины, на стенах — подтеки. В единственной вазе, стоявшей на небольшом полированном столе, — давно засохшие цветы. На выцветшем, то ли розовом, то ли фиолетовом, диване — пыльные подушки.

— Это она? — послышался старческий голос.

— Мама, ты только не волнуйся.

Я встала. Из темной глубины коридора медленно выползала старуха. Опираясь на ходунки, она с трудом двигалась по направлению ко мне. В комнате было жарко, но кондиционер не включали. Старуха, одетая в легкий халат и теплые тапки, согнувшись над ходунками, еле-еле передвигала ногами, при этом не забывая недобро поглядывать на меня.

Наконец она доплелась до стола и плюхнулась на стул, где я только что сидела.

— Ну? — она вопросительно посмотрела на меня.

— Здравствуйте! — Я пыталась говорить, как можно вежливей. — Я Ева.

— А мне какая разница? — Старуха сразу же поставила меня на место.

Удивительно — несмотря на дряхлость и немощность, глаза у нее были живые и умные. Темные, глубоко посаженные, с сохранившимися ресницами, они смотрели внимательно, словно заглядывая в самое сердце.

— Что умеешь делать?

— Вообще-то, в мои обязанности входит ухаживать за вами. — Я попыталась встать в защитную позицию.

Она только усмехнулась:

- Гулять я не буду. Не в детском садике.
- Хорошо.
- Готовить мне не надо, я твою отраву есть не буду.
- Хорошо.
- Читать мне не надо, сама грамотная.
- Понятно.
- Телевизор я не смотрю, там сплошная дрянь.
- Ясно.
- Что тебе ясно? Что ты тут делать собираешься?

Я была совершенно обескуражена. Делать мне действительно было нечего, разве только окна мыть...

- Окна мыть.

Старуха взглянула на меня вновь.

- Окна, говоришь? Ну, бери тряпку и мой.

Все это время мужчина, видимо, приходившийся старухе сыном, недоверчиво и придирчиво глядел на меня.

- Где ведро? Вода?

— Я сейчас покажу, — сказал он и повел меня к чулану. Спинай я чувствовала на себе старухин взгляд.

— Да, у мамы характер сложный, — сказал он, как будто оправдываясь. — Но ты привыкнешь... Наверное.

- Я — Ева, — решила я представиться.

- Я — Роман.

— Ну, что ты там копошишься? — послышался недовольный старухин голос.

- Иду, иду! — ответила я.

Я вернулась в комнату, где она сидела, с ведром и тряпкой.

- А у вас тут средство для чистки окон есть?

- Чего это? — Старуха злобно взглянула на меня.

- Ну, чтобы окна мыть. А то как тряпкой-то... —

Я растерянно взглянула на тряпку.